



Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401⁶ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е.Певзнера

город Санкт-Петербург

7 марта 2017 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

с участием представителя гражданина А.Е.Певзнера – адвоката М.А.Крупского, полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Т.В.Касаевой, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.А.Клишаса, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального

конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401⁶ УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы гражданина А.Е.Певзнера. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.И.Бойцова, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации – М.А.Мельниковой, от Федеральной таможенной службы – В.А.Алтуфьевой, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т.А.Васильевой, от Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации – И.Н.Соловьева, от Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека – Н.Л.Евдокимовой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации при вынесении приговора, а также определения или постановления о прекращении уголовного дела должен быть решен вопрос о вещественных доказательствах; при этом орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому, подлежат конфискации, или передаются в соответствующие учреждения, или уничтожаются (пункт 1 части третьей статьи 81); пересмотр в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в

ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия (статья 401⁶).

1.1. В отношении гражданина Российской Федерации А.Е.Певзнера, имеющего также гражданство Федеративной Республики Германия, органами предварительного расследования было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью второй статьи 188 «Контрабанда» УК Российской Федерации, выразившегося в перемещении в марте 2003 года с территории Финляндии через таможенную границу России без декларирования принадлежащей ему и его супруге картины Карла Брюллова «Христос во гробе» (стоимостью на момент пересечения таможенной границы не менее 9 416 160 руб.), отнесенной к культурным ценностям, для перемещения которых через таможенную границу установлены специальные правила.

Выборгский городской суд Ленинградской области постановлением от 27 ноября 2013 года, вынесенным в процедуре предварительного слушания, удовлетворил ходатайство стороны защиты в части прекращения данного уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования, а в части требования о возвращении картины ее законным владельцам отказал и, руководствуясь пунктом 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации, постановил картину, как признанную в качестве орудия преступления вещественным доказательством, конфисковать, оставив ее на хранении в Государственном Русском музее.

Судебная коллегия по уголовным делам Ленинградского областного суда решение суда первой инстанции изменила в части, касающейся конфискации картины, и, руководствуясь пунктом 6 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации, обязала передать ее после надлежащего таможенного оформления органами таможенного контроля Российской Федерации законным владельцам, чье право собственности не оспаривалось (апелляционное определение от 24 июня 2014 года). Принимая такое решение, суд апелляционной инстанции исходил из того, что картина была

лишь предметом уголовно наказуемого деяния, а не орудием контрабанды или каким-либо иным предметом из числа перечисленных в пунктах 1–5 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации и, следовательно, ее судьба не могла быть решена на основании этих законоположений.

В передаче кассационных представлений уполномоченных прокуроров на данное апелляционное определение для рассмотрения в судебных заседаниях соответствующих судов кассационной инстанции было отказано постановлением судьи Ленинградского областного суда от 23 сентября 2014 года и постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2014 года, которое, в свою очередь, постановлением заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 3 июля 2015 года было отменено с передачей кассационного представления заместителя Генерального прокурора Российской Федерации в президиум Ленинградского областного суда.

Отклоняя доводы кассационного представления о необходимости применения при решении вопроса о судьбе картины положений статьи 104¹ УК Российской Федерации и пункта 4¹ части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации, предусматривающих конфискацию имущества, являющегося предметом незаконного перемещения через таможенную границу, президиум Ленинградского областного суда мотивировал свое решение тем, что указанные законоположения на момент совершения инкриминируемого А.Е.Певзнеру деяния в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве отсутствовали и обратной силы не имеют, а частью третьей статьи 81 УПК Российской Федерации в ранее действовавшей редакции конфискация вещественных доказательств предусматривалась только в отношении орудия преступления, но не его предмета (постановление от 15 сентября 2015 года).

С выводами, содержащимися в апелляционном определении судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского областного суда от 24 июня 2014 года и постановлении президиума Ленинградского областного суда от 15 сентября 2015 года, не согласилась Судебная коллегия по уголовным

делам Верховного Суда Российской Федерации, которая определением от 28 апреля 2016 года, принятым по итогам рассмотрения кассационного представления заместителя Генерального прокурора Российской Федерации, оставила без изменения постановление Выборгского городского суда Ленинградской области от 27 ноября 2013 года. Отклоняя возражения стороны защиты, ссылавшейся на невозможность принятия по истечении года с момента вынесения апелляционного определения решения о конфискации принадлежащей А.Е.Певзнеру картины, как ухудшающего его положение, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации исходила из того, что в силу части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации при вынесении постановления о прекращении уголовного дела суд обязан решить вопрос о вещественных доказательствах, к каковым в данном случае относится эта картина, и такое решение не может расцениваться как ухудшающее положение лица, в отношении которого прекращено уголовное преследование, а потому его принятие не ограничено временными рамками.

1.2. Согласно статьям 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующим предписания статьи 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации проверяет по жалобе гражданина на нарушение конституционных прав и свобод конституционность законоположений, примененных в его деле, рассмотрение которого завершено в суде, и принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая при этом как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Гражданин А.Е.Певзнер обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с двумя жалобами. В первой им оспаривается конституционность пункта 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации, во второй – конституционность статьи 401⁶ данного Кодекса. Поскольку обе нормы применены судом в одном и том же конкретном деле и послужили основанием для вынесения одних и тех же судебных решений, а их несоответствие Конституции Российской Федерации заявитель связывает с недопустимым, как он полагает, вмешательством в право собственности на имущество, изъятое в качестве вещественного доказательства по уголовному делу, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Заявитель оспаривает конституционность пункта 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации в первоначальной редакции, действовавшей на момент возбуждения в отношении него уголовного дела о контрабанде и предусматривавшей в рамках решения вопроса о вещественных доказательствах в случае вынесения приговора, а также определения или постановления о прекращении уголовного дела конфискацию лишь орудий преступления, принадлежащих обвиняемому. Нарушение названным законоположением своих прав, гарантированных статьями 15 (часть 4), 17 (часть 1), 35 (части 1–3), 49 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, заявитель усматривает в том, что оно обязывает суд при прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования конфисковать принадлежащее лицу, не признанному в установленном законом порядке виновным в совершении уголовно наказуемого деяния, имущество, признанное в качестве орудия преступления вещественным доказательством (если это имущество не подлежит передаче в соответствующие учреждения или уничтожению).

В связи с ратификацией Федеральным законом от 26 апреля 2004 года № 26-ФЗ Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года (вступила в силу с 29 сентября 2003 года), пунктом 1 статьи 12 которой признается возможность конфискации имущества, оборудования или других средств, использовавшихся или предназначенных для использования при совершении преступлений, федеральный законодатель, обеспечивая выполнение Россией принятых на себя международно-правовых обязательств, аналогичным образом конкретизировал возможные объекты конфискации как в Уголовном кодексе Российской Федерации (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 153-ФЗ), так и в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (Федеральный закон от 31 декабря 2014 года № 530-ФЗ). Поскольку более широкое понятие «средства совершения преступления», включающее и орудия преступления, вошло в понятийный аппарат института конфискации в указанных отраслях законодательства в период вынесения судами различных инстанций решений, связанных с последствиями прекращения уголовного дела заявителя в связи с истечением срока давности уголовного преследования, Конституционный Суд Российской Федерации полагает возможным осуществить проверку конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации в ныне действующей редакции.

Статья 401⁶ УПК Российской Федерации, по мнению заявителя, не соответствует статьям 15 (часть 4), 17 (часть 1), 19 (часть 1) и 35 (часть 1) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой содержащаяся в ней норма вследствие своей неопределенности не позволяет выработать единообразный подход к вопросу, допускается ли пересмотр в кассационном порядке вступившего в законную силу судебного решения о возвращении законному владельцу, в отношении которого уголовное дело прекращено, его имущества по основаниям, связанным с признанием такого имущества в качестве орудия преступления вещественным доказательством, по истечении годичного срока со дня вступления этого решения в силу, что ведет к

нарушению принципа равенства перед законом и произвольному вмешательству в право частной собственности.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются пункт 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации – постольку, поскольку на его основании разрешается вопрос о конфискации имущества, принадлежащего на праве собственности лицу, уголовное дело в отношении которого прекращено в связи с истечением срока давности уголовного преследования, и признанного в качестве орудия преступления или иного средства его совершения вещественным доказательством по данному уголовному делу, и статья 401⁶ данного Кодекса – постольку, поскольку на ее основании разрешается вопрос о допустимости пересмотра в кассационном порядке судебного решения о возвращении указанного имущества лицу, в отношении которого уголовное дело прекращено, за пределами срока, превышающего один год со дня вступления такого судебного решения в законную силу.

2. В соответствии со статьями 2, 17 (часть 2) и 18 Конституции Российской Федерации признание, соблюдение и защита права частной собственности, относящегося к основным, неотчуждаемым правам и свободам человека, составляют обязанность государства и обеспечиваются правосудием. Исходя из этого Конституция Российской Федерации, закрепляя право каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (статья 35, часть 2), гарантирует, что право частной собственности охраняется законом и никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (статья 35, части 1 и 3), и допускает возможность ограничения данного права – наряду с другими правами и свободами человека и гражданина – федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3).

Приведенным конституционным положениям, выражающим один из основополагающих аспектов верховенства права – общепризнанный в демократических государствах принцип неприкосновенности собственности, выступающий гарантией права собственности во всех его составляющих, корреспондирует статья 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в силу которой право каждого физического и юридического лица на уважение своей собственности и ее защиту не умаляет права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов.

Таким образом, гарантированное Конституцией Российской Федерации и международно-правовыми актами как составной частью правовой системы России (статья 15, часть 4, Конституции Российской Федерации) право частной собственности предполагает, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, не только возможность реализации собственником составляющих его правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом в своих интересах, но и налагаемые федеральным законом ограничения, обусловленные – в силу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 8 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 35 – необходимостью защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и свобод других лиц, если такие ограничения вводятся на основе общеправовых принципов и конституционных критериев справедливости и соразмерности (пропорциональности), не затрагивают само существо данного конституционного права и не приводят к утрате его основного содержания (постановления от 30 октября 2003 года № 15-П, от 16 июля 2008 года № 9-П, от 28 января 2010 года № 2-П, от 14 мая 2012 года № 11-П, от 17 января 2013 года № 1-П, от 29 ноября 2016 года № 26-П и др.).

3. По смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в том числе в постановлениях от 20 мая 1997 года

№ 8-П и от 16 июля 2008 года № 9-П, конституционные гарантии охраны права частной собственности законом и допустимости лишения имущества не иначе как по решению суда, выражающие принцип неприкосновенности собственности, и конституционные гарантии судебной защиты распространяются как на сферу гражданско-правовых отношений, так и на отношения государства и личности в публично-правовой сфере; при этом в силу таких фундаментальных принципов, как верховенство права и юридическое равенство, вмешательство государства в отношения собственности не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности.

Возможность вторжения в право частной собственности в целях защиты публичных интересов получила нормативную конкретизацию в Гражданском кодексе Российской Федерации, который, называя в числе основных начал гражданского законодательства неприкосновенность собственности (пункт 1 статьи 1), допускает тем не менее возможность принудительного прекращения права собственности по предусмотренным законом основаниям, включая конфискацию, определяемую как безвозмездное изъятие имущества у собственника по решению суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения (подпункт 6 пункта 2 статьи 235 и пункт 1 статьи 243).

Придание конфискации статуса имущественной санкции в рамках публичного правопорядка не исключает ее институирования и в качестве наказания: так, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях относит назначаемую судьей конфискацию орудия совершения или предмета административного правонарушения к одному из видов административных наказаний и определяет ее как принудительное безвозмездное обращение в федеральную собственность или в собственность субъекта Российской Федерации не изъятых из оборота вещей (пункт 4 части 1 статьи 3.2 и часть 1 статьи 3.7).

Констатируя в ряде своих решений принципиальную допустимость закрепления в федеральном законе в качестве способа защиты публичных интересов в сфере экономической безопасности Российской Федерации, составляющей одну из основ ее суверенитета, а также финансовой системы, которая ставится под угрозу при перемещении товаров через таможенную границу незаконным образом, конфискации имущества, явившегося орудием или иным средством совершения либо непосредственным предметом таможенного правонарушения, осуществляемой по решению суда независимо от установления собственника такого имущества, Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивал, что осуществление прав пользования и распоряжения перемещаемым имуществом без выполнения всех необходимых обязанностей, связанных с перемещением товаров и транспортных средств через таможенную границу и выбором таможенного режима, фактически сделало бы невозможным само таможенное регулирование и достижение тех конституционно защищаемых целей, для которых оно предназначено, со всеми вытекающими последствиями, в том числе криминогенного характера (постановления от 11 марта 1998 года № 8-П, от 14 мая 1999 года № 8-П и от 27 апреля 2001 года № 7-П).

Вместе с тем конфискация имущества может рассматриваться в качестве специальной публично-правовой меры, содержание которой заключается в осуществляемом в судебном порядке принудительном лишении правонарушителя, т.е. вопреки его воле, права собственности на имущество, определенным образом связанное с совершением правонарушения, и безвозмездном его обращении в собственность государства, – в отличие от реквизиции, т.е. возмездного принудительного изъятия имущества в случаях, не связанных с противоправным поведением собственника этого имущества (статья 242 ГК Российской Федерации). Формально-юридические предпосылки для избрания подобной модели нормативного регулирования содержит статья 2 УК Российской Федерации, согласно которой для осуществления охраны прав и свобод человека и

гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, а также других перечисленных в ней задач данный Кодекс устанавливает, в частности, виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений. Именно в качестве иной меры уголовно-правового характера, состоящей в принудительном безвозмездном обращении по решению суда в собственность государства имущества, в том числе орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому, конфискация была возвращена в Уголовный кодекс Российской Федерации (глава 15¹, статьи 104¹–104³) Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 153-ФЗ – после ее исключения из данного Кодекса как вида наказания Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в определениях от 8 июля 2004 года № 251-О и от 24 марта 2005 года № 146-О, само по себе исключение конфискации имущества как вида наказания из уголовного закона не может считаться препятствием для сохранения в уголовно-процессуальном законодательстве, которое имеет собственный предмет правового регулирования, института конфискации имущества, признанного в качестве орудия преступления вещественным доказательством по уголовному делу. Такой подход согласуется с международными стандартами в сфере обеспечения конфискации использовавшегося или предназначавшегося для использования при совершении преступлений имущества, допустимость изъятия которого у собственника закреплена в Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 года (ратифицирована Федеральным законом от 28 мая 2001 года № 62-ФЗ): согласно ее статье 1 термин «конфискация» означает не только наказание, но и меру, назначенную судом в результате судопроизводства по уголовному делу или уголовным делам и состоящую в лишении имущества (подпункт «d»); при этом под орудиями преступления понимается любое имущество, использованное или предназначенное для использования любым способом,

целиком или частично, для совершения преступления или преступлений (подпункт «с»). Обязательства о принятии мер, необходимых для обеспечения в рамках внутренней правовой системы возможности конфискации имущества, оборудования или других средств, использовавшихся или предназначенных для использования при совершении соответствующих преступлений, вытекают также из Конвенции против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года, для целей которой понятие «конфискация» означает окончательное лишение имущества по постановлению суда или другого компетентного органа (подпункт «g» статьи 2 и статья 12).

Европейский Суд по правам человека, учитывая сложившуюся в Российской Федерации длительную судебную практику, допускающую конфискацию по делам о контрабанде предметов, незаконно перемещаемых через таможенную границу, пришел к выводу, что данная мера в отношении перемещаемых денежных средств, приобщенных к уголовному делу о контрабанде в качестве вещественного доказательства, не противоречит критерию законности вмешательства в осуществление права собственности, закрепленному в статье 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, если она основана на национальном праве, применение которого в его содержательном истолковании компетентными судебными органами достаточно предсказуемо (постановление от 6 ноября 2008 года по делу «Исмаилов против России»).

Таким образом, отсутствие конфискации в перечне уголовных наказаний, установленных ныне действующим Уголовным кодексом Российской Федерации, само по себе не исключает возможность принудительного прекращения по судебному решению права собственности на имущество в форме конфискации принадлежащих обвиняемому на праве собственности орудий преступления, иных средств его совершения, предметов, незаконно перемещаемых через таможенную границу (предметов преступления), что не освобождает федерального законодателя от обязанности соблюдать конституционные критерии допустимости такого

ограничения права собственности, основанные на общеправовых принципах справедливости и соразмерности (пропорциональности).

4. Реализуя свои полномочия по регулированию отношений в сфере уголовного и уголовно-процессуального законодательства, вытекающие из статьи 71 (пункт «о») Конституции Российской Федерации, федеральный законодатель – в силу ее статей 19 (части 1 и 2), 45, 46, 49 и 55 (часть 3) – правомочен как устанавливать ответственность за правонарушения, так и устранять ее, а также определять, какие меры государственного принуждения подлежат использованию в качестве средств реагирования на те или иные противоправные деяния и при каких условиях возможен отказ от их применения, обеспечивая тем самым как дифференциацию уголовной ответственности, так и восстановление прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 года № 16-П).

Завершение производства по уголовному делу в отношении конкретного лица – посредством вынесения приговора (обвинительного или оправдательного) либо определения или постановления о прекращении уголовного дела (как по реабилитирующим, так и по нереабилитирующим основаниям) – обязывает к окончательному определению в соответствующем итоговом решении и юридической судьбы вещественных доказательств, которые хранились до завершения производства по делу и не были ранее уничтожены, реализованы или возвращены законному владельцу. Этот вопрос, согласно части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации, разрешается следующим образом: орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому, подлежат конфискации, или передаются в соответствующие учреждения, или уничтожаются (пункт 1); предметы, запрещенные к обращению, подлежат передаче в соответствующие учреждения или уничтожаются (пункт 2); изъятые из незаконного оборота товары подлежат уничтожению (пункт 2¹); предметы, не представляющие ценности и не истребованные стороной, подлежат уничтожению, а в случае ходатайства заинтересованных лиц или

учреждений могут быть переданы им (пункт 3); деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, и доходы от этого имущества подлежат возвращению законному владельцу (пункт 4); деньги, ценности и иное имущество, указанные в пунктах «а» – «в» части первой статьи 104¹ УК Российской Федерации, подлежат конфискации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 4 данной части (пункт 4¹); документы, являющиеся вещественными доказательствами, остаются при уголовном деле в течение всего срока хранения последнего либо передаются заинтересованным лицам по их ходатайству (пункт 5); остальные предметы передаются законным владельцам, а при неустановлении последних переходят в собственность государства; споры о принадлежности вещественных доказательств разрешаются в порядке гражданского судопроизводства (пункт 6).

Уголовный кодекс Российской Федерации, часть первая его статьи 104¹ в ныне действующей редакции, определяет конфискацию как принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства имущества, указанного в данной статье, на основании обвинительного приговора. Что касается конфискации вещественных доказательств, то, по смыслу части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с положениями статьи 104¹ УК Российской Федерации, такие имущественные объекты, как орудия или иные средства совершения преступления, которые в качестве вещественных доказательств обеспечивают выявление имеющих значение для уголовного дела обстоятельств, после завершения производства по данному делу, по существу, утрачивают свое процессуальное качество, но могут сохранять значимость как объекты вещного права (если только они не запрещены к обращению и не изъяты из незаконного оборота) и как таковые подлежат конфискации, которая в этих случаях, имея целью удержание самого правонарушителя и других лиц от противозаконного использования

принадлежащего им имущества, выступает юридическим последствием инкриминируемого лицу уголовно наказуемого деяния.

Следовательно, конфискация орудий и иных средств совершения преступления представляет собой – в контексте действующего уголовного законодательства – публично-правовую санкцию, структурно обособленную (и, как следствие, автономную) от наказания; как мера уголовно-правового характера, выражающаяся в возложении на обвиняемого (осужденного) обязанности претерпеть дополнительные (по отношению к наказанию) правоограничения уголовно-превентивного свойства, она по своей конституционно-правовой природе соотносима по некоторым признакам с наказанием, но не тождественна ему (как это имеет место в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях), а потому может применяться не только в качестве сопровождающей наказание вспомогательной меры при постановлении обвинительного приговора, но и при освобождении от наказания.

5. Как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах; в рамках уголовного судопроизводства это предполагает, по меньшей мере, установление на основе исследованных доказательств обстоятельств дела и их правильную правовую оценку; в целях обеспечения прав и законных интересов таких участников процесса, как обвиняемый и потерпевший, им должна быть предоставлена возможность довести до сведения суда свою позицию по существу дела и те доводы, которые они считают необходимыми для ее обоснования (постановления от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 17 июля 2002 года № 13-П, от 8 декабря 2003 года № 18-П, от 2 июля 2013 года № 16-П и др.).

Исходя из приведенной правовой позиции, основанной в том числе на статье 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в соответствии с которой каждый человек, чьи права и свободы нарушены, должен иметь право на эффективные средства правовой защиты в

государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве, решение суда о конфискации имущества, в том числе признанного по уголовному делу вещественным доказательством, не может иметь формальный характер – оно должно основываться на непосредственном исследовании судом, а также сторонами, которые действуют на условиях полного равноправия, доказательств и фактических обстоятельств дела, что составляет содержание справедливого судебного разбирательства; такое решение, как правило, подлежит включению в итоговый судебный акт в качестве его составной части.

5.1. Обращаясь к вопросу о правовой природе прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, гарантиях прав и законных интересов лиц, в отношении которых принимается такое решение, Конституционный Суд Российской Федерации в ряде своих решений (постановления от 3 мая 1995 года № 4-П, от 28 октября 1996 года № 18-П, от 15 января 1999 года № 1-П, от 24 апреля 2003 года № 7-П, от 20 декабря 2010 года № 21-П, от 14 июля 2011 года № 16-П и др.) пришел к следующим выводам:

решение о прекращении уголовного дела не подменяет собой приговор суда и, следовательно, не является актом, которым устанавливается виновность обвиняемого в том смысле, как это предусмотрено статьей 49 Конституции Российской Федерации. При выявлении такого рода оснований к прекращению уголовного дела лицо, в отношении которого уголовное дело подлежит прекращению, вправе настаивать на продолжении расследования и рассмотрении дела в судебном заседании, а в случае вынесения решения о прекращении уголовного дела – обжаловать его в установленном процессуальным законом судебном порядке, благодаря чему лицам, заинтересованным в исходе дела, обеспечивается судебная защита их прав и законных интересов в рамках уголовного судопроизводства;

прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию возможно лишь в том случае, если будут обеспечены гарантируемые Конституцией Российской Федерации права участников уголовного

судопроизводства, что предполагает, в частности, отсутствие возражений обвиняемого (подсудимого) против прекращения уголовного дела: в силу принципа состязательности, на основе которого осуществляется уголовное судопроизводство (статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации), предполагается, что стороны самостоятельно и по собственному усмотрению определяют свою позицию по делу, в том числе в связи с вопросом об уголовной ответственности, а значит, если обвиняемый (подсудимый) не возражает против прекращения уголовного преследования, нет оснований считать его права и законные интересы нарушенными решением о прекращении уголовного дела (при условии его достаточной обоснованности);

если лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, возражает против прекращения уголовного судопроизводства по нереабилитирующему основанию, ему должна предоставляться возможность (в рамках предусмотренных статьями 49 и 123 Конституции Российской Федерации гарантий) судебной защиты его прав, в том числе права на возможную реабилитацию. Исходя из этого действующее законодательство не допускает прекращение уголовного преследования в связи с истечением срока давности, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает, – в таком случае, как следует из части второй статьи 27 УПК Российской Федерации, производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке. Такой подход согласуется с обязанностью государства охранять достоинство личности (статья 21, часть 1, Конституции Российской Федерации), которое выступает основой всех прав и свобод человека и необходимым условием их существования и соблюдения.

Вместе с тем, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, из права каждого на судебную защиту его прав и свобод не вытекает возможность выбора гражданином по своему усмотрению способов и процедур судебной защиты, особенности которых применительно к отдельным видам судопроизводства и категориям дел определяются, исходя из Конституции Российской Федерации,

федеральными законами. Поскольку прекращение уголовного дела представляет собой целостный правовой институт, т.е. систему норм, регулирующих как основания, условия и процессуальный порядок прекращения уголовного дела, права и обязанности участников соответствующих правоотношений, так и его юридические последствия, в том числе определение судьбы вещественных доказательств в виде орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, выраженное обвиняемым (подсудимым) несогласие с возможным прекращением его права собственности на признанные вещественными доказательствами имущественные объекты как последствием прекращения уголовного дела – учитывая системный характер, неразрывную взаимосвязь и взаимообусловленность складывающихся при этом правоотношений – равнозначно несогласию с применением к нему института прекращения уголовного дела в целом.

Соответственно, для прекращения уголовного дела по такому нереабилитирующему основанию, как истечение срока давности уголовного преследования, требуется отсутствие возражений обвиняемого (подсудимого) против применения данного основания с учетом юридических последствий относительно принадлежащего ему имущества, признанного в качестве орудия преступления или иного средства его совершения вещественным доказательством. При этом – в силу общих принципов уголовного процесса, основанных на вытекающих из статей 19 (части 1 и 2), 49 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципах равенства и справедливости и нашедших отражение в том числе в части третьей статьи 78 УК Российской Федерации, – предполагается, что обвиняемый (подсудимый) не препятствует осуществлению законного уголовного преследования и не уклоняется от следствия или суда.

5.2. Конфискация как лишение собственника его имущества в смысле статьи 35 (часть 3) Конституции Российской Федерации предполагает только принудительное, т.е. вопреки воле собственника, его изъятие по решению суда. Если же собственник выражает свое согласие на изъятие

принадлежащего ему имущества, то конфискация в значительной мере утрачивает свойство принудительности и, как следствие, свои сущностные признаки во всей их полноте, превращаясь в исполнение заключенного между обвиняемым (подсудимым) и государством публично-правового соглашения *sui generis*, соотносимого по своему характеру с применяемыми в рамках института освобождения от уголовной ответственности альтернативами уголовному преследованию (судебному разбирательству), в частности нашедшими отражение в Рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 17 сентября 1987 года R (87) 18 «Относительно упрощения процедуры уголовного правосудия». В этом случае конституционное право собственности не нарушается.

В целях соблюдения принципов состязательности и равноправия сторон судопроизводства (статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации) и справедливого судебного разбирательства (статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) последствия прекращения уголовного дела, включая предусмотренную частью третьей статьи 81 УПК Российской Федерации конфискацию принадлежащего обвиняемому (подсудимому) имущества, признанного в качестве орудия или иного средства совершения преступления вещественным доказательством, должны быть ему предварительно разъяснены.

Соответственно, процедура прекращения уголовного дела судом по такому нереабилитирующему основанию, как истечение срока давности уголовного преследования, влекущего конфискацию принадлежащего обвиняемому (подсудимому) орудия или иных средств совершения преступления и тем самым – прекращение права собственности на них, а следовательно, лишение собственника его имущества, с необходимостью предполагает надлежащее информирование обвиняемого (подсудимого) о последствиях принятия такого решения, что позволит ему осознанно – в рамках гарантий, закрепленных уголовно-процессуальным законодательством, – определить свою позицию по данному вопросу, равно как и в целом в отношении прекращения уголовного дела. Если после

надлежащих разъяснений обвиняемый (подсудимый) выразит свое несогласие с прекращением его права собственности на указанное имущество, что означает невозможность прекращения уголовного дела, производство по данному делу должно продолжиться в общем порядке. В таком случае судебное разбирательство, в ходе которого уголовное дело разрешается по существу, может быть окончено вынесением обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания (часть восьмая статьи 302 УПК Российской Федерации), при постановлении которого, согласно пункту 12 части первой статьи 299 УПК Российской Федерации, судом разрешается и вопрос о судьбе вещественных доказательств, в том числе о конфискации орудий, оборудования и иных средств совершения преступления.

Данные требования распространяются и на случаи прекращения судом уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным перемещением через таможенную границу предметов искусства и других культурных ценностей, представляющих собой – в силу своего значения для развития и сохранения национальной культуры – особый объект правового, в том числе международно-правового, регулирования. В частности, исходя из обязанности каждого государства охранять свое культурное достояние от опасностей криминального оборота, Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности, от 14 ноября 1970 года предусматривает ряд мер противодействия подобной практике, включая контроль за вывозом и ввозом культурных ценностей, пресечение их незаконного перемещения и передачи права собственности, а также установление уголовного или административного наказания для лиц, ответственных за нарушение предусмотренных данной Конвенцией запрещений. Соответственно, в контексте статей 35 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации обращенное к лицам, пересекающим таможенную границу, требование о предъявлении достоверной таможенной декларации направлено на предупреждение скрытых ввоза и вывоза

культурных ценностей, а конфискационная мера как возможное следствие неисполнения этой обязанности является частью регулятивной системы, призванной бороться с подобными правонарушениями и отвечающей – в международно-правовом аспекте – общему интересу.

5.3. Таким образом, пункт 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – предполагает, что лишение обвиняемого (подсудимого), в отношении которого решается вопрос о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования, принадлежащего ему на законных основаниях имущества, признанного в качестве орудия преступления или иного средства его совершения вещественным доказательством, и, соответственно, прекращение права собственности обвиняемого (подсудимого) на это имущество могут производиться при отсутствии возражения обвиняемого (подсудимого) против прекращения уголовного дела по данному основанию и при условии разъяснения ему юридических последствий такого прекращения, включая конфискацию, а если такого согласия с его стороны, в том числе в части прекращения права собственности на указанное имущество, не получено – при вынесении обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания.

6. Раскрывая конституционное содержание права на судебную защиту, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт не согласуется с универсальным требованием эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего критериям справедливости (постановления от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 6 июля 1998 года № 21-П, от 14 февраля 2000 года № 2-П, от 11 мая 2005 года № 5-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П, от 25 марта 2014 года № 8-П и др.).

Поскольку, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, подобная проверка применительно к производству по пересмотру вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам как

имеющему резервное значение дополнительному способу обеспечения их законности означает, по существу, возможность преодоления окончательности судебных актов, вступивших в законную силу, федеральный законодатель, располагающий при осуществлении правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства на основе предписаний статей 2, 46–53 и 71 (пункт «о») Конституции Российской Федерации и соответствующих международно-правовых обязательств России достаточно широкой дискрецией в выборе конкретных мер по обеспечению прав всех участников уголовного процесса, призван соблюдать баланс публичных и частных интересов и конституционно значимых ценностей, учитывая при этом международно-правовое требование неопровержимости окончательных судебных решений в качестве общего правила, и устанавливать такие институциональные и процедурные условия их пересмотра, которые, исключая возможность необоснованного возобновления судебного разбирательства, использовались бы лишь в случаях, когда ошибка, допущенная в ходе предыдущего разбирательства, предопределила исход дела, и тем самым обеспечивали бы справедливость судебного решения и вместе с тем правовую определенность.

Следовательно, при определении сроков, в пределах которых допускается обжалование судебных актов, вступивших в законную силу, федеральному законодателю надлежит исходить из того, что участники правоотношений должны иметь возможность в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав и обязанностей; соответственно, пересмотр и отмена окончательного приговора, если это влечет ухудшение положения осужденного, должны быть обусловлены достаточно кратким сроком, с тем чтобы исключить долговременную угрозу пересмотра приговора (постановления от 17 июля 2002 года № 13-П, от 11 мая 2005 года № 5-П и от 5 февраля 2007 года № 2-П).

6.1. Регламентируя производство по уголовному делу в суде кассационной инстанции, Уголовно-процессуальный кодекс Российской

Федерации устанавливает следующие требования: основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела (часть первая статьи 401¹⁵); пересмотр в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия (статья 401⁶).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 28 января 2014 года № 2 «О применении норм главы 47¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» обратил внимание судов на то, что круг оснований для отмены или изменения судебного решения в кассационном порядке ввиду существенного нарушения уголовного закона (неправильного его применения) и (или) существенного нарушения уголовно-процессуального закона в отличие от производства в апелляционной инстанции ограничен лишь такими нарушениями, которые повлияли на исход уголовного дела, т.е. на правильность его разрешения по существу, в частности на вывод о виновности, на юридическую оценку содеянного, назначение судом наказания или применение иных мер уголовно-правового характера и на решение по гражданскому иску (пункт 20).

6.2. В развитие закрепленного статьей 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации права каждого на судебную защиту его прав и свобод часть первая статьи 6 УПК Российской Федерации предусматривает, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений

(пункт 1), защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (пункт 2).

По смыслу приведенных конституционных и уголовно-процессуальных положений, существо уголовного судопроизводства заключается в функционировании правового механизма (процессуальной формы) реализации материально-правовых норм как уголовного, так и – в пределах, установленных уголовно-процессуальным законом, – гражданского и других отраслей права, а существо уголовного дела – не только в квалификации судом преступления, назначении вида и меры наказания, но и в принятии им всех обусловленных начатым уголовным преследованием решений материально-правового характера, которые суд выносит в совещательной комнате при постановлении приговора. Соответственно, понятие исхода уголовного дела охватывает и решение судом вопроса о конфискации принадлежащего обвиняемому (подсудимому) имущества, признанного по делу вещественным доказательством.

При таких обстоятельствах признание кассационной инстанцией правильным и оставление без изменения постановления суда первой инстанции о прекращении уголовного дела и конфискации принадлежащего обвиняемому (подсудимому) имущества как орудия или иного средства совершения преступления после того, как оно было изменено в апелляционной инстанции, предписавшей передать данное имущество его законному владельцу, фактически означает возврат к санкции, наложенной судом первой инстанции, но впоследствии отмененной в пользу обвиняемого (подсудимого) апелляционной инстанцией, и, следовательно, может считаться объективно ухудшающим его положение по сравнению с тем, как оно было определено вступившим в законную силу решением апелляционной инстанции, а следовательно, подпадающим под действие установленного статьей 401⁶ УПК Российской Федерации предельного (по существу, пресекающего) срока в один год для пересмотра приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение

положения осужденного, оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено.

6.3. Таким образом, статья 401⁶ УПК Российской Федерации не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования она не предполагает пересмотра (отмены или изменения) в кассационном порядке вступившего в законную силу судебного решения, в соответствии с которым имущество, принадлежащее на законных основаниях обвиняемому (подсудимому), уголовное дело в отношении которого было прекращено в связи с истечением срока давности уголовного преследования, и признанное в качестве орудия или иного средства совершения преступления вещественным доказательством, не подлежит конфискации, по прошествии одного года со дня вступления такого судебного решения в законную силу.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 87 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку содержащиеся в нем положения – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – предполагают, что лишение обвиняемого (подсудимого), в отношении которого решается вопрос о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования, принадлежащего ему на законных основаниях имущества, признанного в качестве орудия преступления или иного средства его совершения вещественным доказательством, и, соответственно, прекращение права собственности обвиняемого (подсудимого) на это имущество могут производиться при отсутствии возражения обвиняемого (подсудимого) против прекращения

уголовного дела по данному основанию и при условии разъяснения ему юридических последствий такого прекращения, включая конфискацию, а если такого согласия с его стороны, в том числе в части прекращения права собственности на указанное имущество, не получено – при вынесении обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания.

2. Признать статью 401⁶ УПК Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – она не предполагает пересмотра (отмены или изменения) в кассационном порядке вступившего в законную силу судебного решения, в соответствии с которым имущество, принадлежащее на законных основаниях обвиняемому (подсудимому), уголовное дело в отношении которого было прекращено в связи с истечением срока давности уголовного преследования, и признанное в качестве орудия или иного средства совершения преступления вещественным доказательством, не подлежит конфискации, по прошествии одного года со дня вступления такого судебного решения в законную силу.

3. Конституционно-правовой смысл пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401⁶ УПК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной, включая судебную, практике.

4. Судебные решения, вынесенные в отношении гражданина Певзнера Александра Евсеевича на основании пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401⁶ УПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации



№ 5-П